

12.09.2019 00:01:00

И на Некрасова похож

Зарифмованный разговор за стаканом чая

Игорь Михайлов

Теги: поэзия, лирика, философия, ярославль, владимир перцев, осия мандулыштам

SHARE КONTAKTE TWIT

Владимир Перцев. Стрела без цели: Стихи. – Ярославль: ИПК «Индиго», 2018. – 112 с.

Владимира Перцева аршином общим не измеришь, у него особенная статья...

Когда листаю том
задумчиво и слепо,
в доме моем пустом
печаль стоит, как слепок.

Владимир Перцев в Ярославии человек неслучайный. Давно и плодотворно руководит он литературной студией в юношеской библиотеке имени Некрасова «Парабола». А вообще-то по призванию он – художник, родившийся в Гаврилов-Яме. И кроме всего прочего на Некрасова похож. Отсюда и эта печаль как «слепок». Жить и писать в Ярославле, не заболев при этом печалью владельца Карабихи, невозможно. А он и не пытается.

Я неподъемный горб

страха ношу и боли.

Так мировая скорбь

давит нещадно, что ли?

Когда в ноябрьские сумерки, расцветающие, по словам классика, но нерасцветшие, бываешь в библиотеке на Вольной, то их, Некрасова и Перцева, можно перепутать.

Философская лирика поэта – скороговорка – скоропись – окрик – шепот. Зарифмованный тихий разговор за стаканом чая или чего еще покрепче.

Как-то скромно, непривычно и негромко, словно стараясь никого не обидеть и не огоршить, почти шепотом говорит Владимир Перцев:

Не усадьбу, не дом, за оградкой

покладистой

я куплю себе место

на кладбище.

Врою лавочку, высажу лютики

разные.

Сам к себе приходиться стану

чинно по праздникам.

Литература российская прирастает провинцией,
Ярославлем. Фото Александра Анашкин

Однако рано отпевать его. Без Перцева нет Ярика. Если солнце ярославской поэзии – Любовь Новикова, то он – месяц. Почти мандельштамовская *tristia*, только переложенная на некрасовский лад!

Но печаль – это лишь внешний флер углубленности. На самом деле Перцев более всего – учитель. Из тепличной атмосферы гнезда библиотеки имени Некрасова встали на крыло и вылетели немало поэтов. А он все так же чуть сутулый, глуховатым голосом, словно еще не привык к тому, что глаголом надо жечь сердца людей, как будто говорит одному тебе:

Нищета не грозит,

и ладненько.

В православной церквушке

свечечки,

речь родная и запах ладана

кружит голову. По-человечески

мы давно эмигранты, Родина.

Нам в общаге родной –

запущено,

пьющим разве что чай

со смородиной

и читающим, как прежде,

Пушкина...

Его стрела не совсем без цели. Печатаая альманахи и устраивая в провинциальных библиотеках Рыбинска, Углича, Вятского, Гавирлов-Яма презентации для кучки недобитой интеллигенции, Владимир Перцев делает важную работу, его цель – просветительская, культуртрегерская. И без этой, такой тихой, незаметной, но необходимой работы зачахнет провинция.

Зарастет борщевиком культурное пространство Ярославии. Да и Некрасов в Карабихе почувствует себя сиротой, как медведиха Маша в Ярославском музее-заповеднике.

Литература России прирастает провинцией, Ярославлем. И потом становится Россией, потому что Москва сгорела в геенне огненной тщеславия и пустословия. Литература прирастает тихой, но пронзительной лирикой Перцева!